

«У нашего оркестра

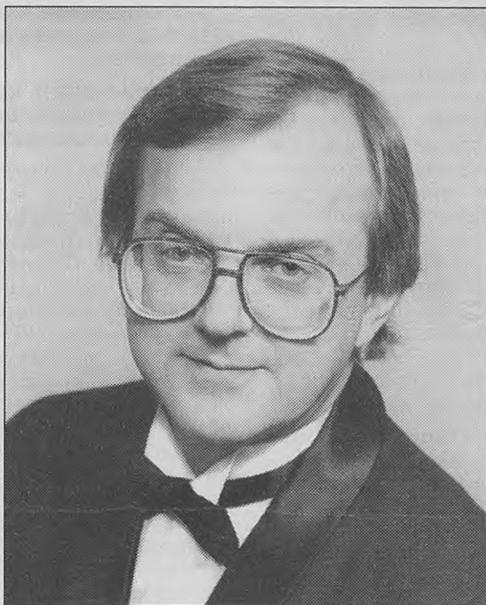
хороший потенциал»

Большой театр. — 1998. — 9 апр. (№ 11) — С. 34

Попробуйте спросить артистов оркестра, как пришел в театр Александр Михайлович Гольшев, — и в ответ вы сначала увидите улыбку, а потом можете услышать почти легендарные рассказы о том, как 18-летний выпускник ЦМШ был принят по конкурсу в оркестр Большого театра.

— Что же было на самом деле?

— История эта давняя. На дворе был год 69-й, я окончил ЦМШ, и мой педагог, ныне знаменитый профессор Юрий Николаевич Должиков, повел меня на конкурс в Большой театр. Конечно, без каких-либо надежд быть принятым. Но я понравился. Председателем жюри был Г. Н. Рождественский и, заглянув в мою анкету, где было написано, что окончил ЦМШ я по двум специальностям — фортепиано и флейта, предложил мне сыграть что-нибудь на рояле. Помню, играл Испанскую рапсодию Листа. Меня приняли в оркестр в качестве флейтиста-стажера, а на следующий сезон я уже стал артистом оркестра.

— Говорят, что во время обсуждения некоторые члены конкурсной комиссии высказывали сомнения — надо ли брать в театр совсем молодого человека, не имеющего никакого опыта оркестровой игры, но Геннадий Николаевич Рождественский, в то время главный дирижер театра, сказал: «Этого мальчика надо срочно брать, потом мы его не увидим и не услышим»...

— Возможно, так и было, но я этого не знаю.

— Консерваторию и аспирантуру вы оканчивали, работая в театре. Вам никогда не приходилось жалеть, что уже почти 30 лет ваша жизнь связана с Большим театром?

— Нет. Мне моя работа нравится. У меня еще масса всяких дел — ансамблевое, сольное исполнительство, педагогическая работа — начал с музыкальной школы, потом было училище, ЦМШ и, наконец, консерватория, доцентом которой я являюсь. Но главное — оркестр Большого театра. Меня приглашали в Госоркестр, БСО, к Плетневу, но я не ушел.

— Известно, что театральный репертуар достаточно ограничен. Разговаривая недавно с одним из наших музыкантов, я неожиданно услышала примерно такую реплику: «Нам все равно, что играть. Главное, чтобы был хороший дирижер».

— Я думаю, он лукавил. Конечно, нам далеко не все равно, что играть. И вопрос репертуара, конечно, волнует артистов оркестра. Но репертуар — это очень гибкое, живое дело, отнюдь не застывшая какая-то штука. «Борис Годунов», «Хованщина», «Царская невеста». И это — навсегда!.. Нет, все меняется. За тридцать лет масса на-

званий исчезла с афиши, но много других названий появилось. Это, на мой взгляд, с моей небольшой колокольни, естественно. Идет нормальный процесс. Каждый новый спектакль вытесняет что-то из репертуара. Вопрос в том, насколько качественная замена.

— Вы считаете, что в Большом театре должны идти только апробированные произведения?

— Думаю, все-таки — да, потому что, когда слышу: «Незаслуженно забытый шедевр», я на 99% убежден, что он забыт заслуженно. Мне думается, не надо пытаться искать алмазное зерно в куче... Но XX век должен быть представлен в нашем репертуаре шире, в том числе и современные, ныне здравствующие творцы-композиторы.

— Как вы оцениваете сегодняшнее состояние оркестра Большого театра?

— Хороший вопрос. Знаете, когда я поступил в 1969

году, старики, которые пришли в оркестр на тридцать лет раньше меня, ворчали: «Что сейчас за музыканты, что за дирижеры!» И сегодня подчас можно слышать то же самое: «Кто сейчас играет, кто дирижирует!» Я считаю, это ностальгия по прекрасным временам молодости. Оркестр у нас мощный, с хорошим потенциалом, много молодежи воспитывается в традициях нашего оркестра. Не думаю, что надо рвать на себе волосы и кричать, что раньше было хорошо, а теперь — плохо.

— Вам не кажется, что те, кто кричат, сами мало делают для творческого роста молодежи?

— Возможно. Было в свое время движение наставничества. Какие-то положительные моменты оно несло, безусловно, если отбросить формальную сторону. Опытные музыканты обращали больше внимания на молодежь.

— С нового года оркестр перешел на контракт. Что это дало оркестру и музыкантам?

— Резкого качественного скачка не получилось. Но в то же время контрактные отношения во всем мире приняты, и они более прогрессивные, чем работа на фиксированной зарплате. Хотя и получилось много хлопот. Очевидно, что контрактная система в оркестре должна совершенствоваться.

— На Западе существуют оркестры, которые работают на контракте, но поспектакльная оплата у них не предусмотрена.

— Я этих тонкостей не знаю. Но получилось, что математическое накопление количества вызовов влияет на то, что ты получаешь. Это неправильно, потому что работа духовика — поверьте, что это не корпоративная солидарность, — ответственнее, нежели работа в струнной группе.

(Окончание на 4-й стр.).